

Михаил Лермонтов Ашик-Кериб

турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери: хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего кроме высокого сердца – и дара песен; играя на саазе [балалайка турецкая] и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; – на одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку – и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика [балалаечник], отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником, – запела она, – вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся – девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить: «Если б ты знала, – отвечала та, – кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб»; – «Веди меня к нему», – сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать; «Как мне не грустить, – отвечал Ашик-Кериб, – я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею». – «Проси мою руку у отца моего, – говорила она, – и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». – «Хорошо, – отвечал он, – положим, Аян-Ага ничего не пожалеет для своей дочерки; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; – нет, милая Магуль-Мегери; я положил зарок на свою душу; обещаюсь 7 лет странствовать по свету и нажить себе богатство, либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». – Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, она делается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо и сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, – он смотрит – это Куршуд-бек. «Добрый путь, – кричал ему бек, – куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу – но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду; – «Плыви вперед, – сказал Куршуд-бек, – я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад – о горе! о всемогущий аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери: «Твой сын утонул в глубокой реке, – говорит он, – вот его одежда»; в невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, – сказала она ей, – Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения 7 лет никто не будет моим мужем»; она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город: и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф; по обыкновению вошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников: многих к нему приводили – ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу: вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда: «Иди с нами к великому паше, – закричали они, – или

ты отвечаешь нам головою». «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, – говорит Ашик-Кериб; – хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник»; однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», сказал паша, и он запел. И в этой песни он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблестали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, толь<ко> срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться: в это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и 80-ю невольниками: призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо: «Возьми ты это блюдо, – говорит она, – и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф: объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай: и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», – сказал он, схватив его рукою. «Точно, твое, – сказал купец: – я узнал тебя, Ашик-Кериб: ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выдет за другого»; – в отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только 3 дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами – и поскакал, не жалея коня; наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, – воскликнул он, – если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать»; и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу человека на белом коне; и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» «Хочу умереть», – отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», – сказал грозно всадник; «Как я могу за тобою следовать, – отвечал Ашик, – твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою»; – «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй»; – отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать: «Что ж ты отстаешь», – спросил всадник; «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». – «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», – отвечал Ашик. – «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой»; – смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, – сказал Ашик, – я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс»; – «То-то же, – отвечал всадник, – я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, – теперь открой»; – Ашик себе не верит то, что это Карс: он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб: но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по настоящему надо в Тифлиз». – «Экой ты неверный, – сказал сердито всадник, – но, нечего делать: прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», – прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». – «Наклонись, – сказал тот улыбувшись, – и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху: и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза – и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз [св. Георгий)].

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой: стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана [мать], отвори: я божий гость: я холоден и голоден; прошу ради

странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных: есть теперь в городе свадьбы – ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». – «Ана, – отвечал он, – я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». – «Негодная, – отвечала старуха: – ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» – «Любопытный ты гость, – отвечала она, – будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». – «Я уж сказал тебе, – возразил он, – что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» – «Это сааз, сааз», – отвечала старуха сердито, не веря ему. – «А что значит сааз?» – «Сааз то значит: что на ней играют и поют песни». – И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. – «Нельзя, – отвечала старуха: – это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене, и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему: тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб [нищий] – и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: – «Как тебя зовут?» – «Рашид » [храбрый], – отвечал он. – «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, – сказала она: – своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез: скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». – «Не позволю, – отвечала старуха; – с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». – Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, – «а если хоть одна струна порвется, – продолжал Ашик, – то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделать женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой [занавес] с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». – «Почему же нет, – сказал Куршуд-бек. Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: – спой же что-нибудь, Ашик [певец], и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник? – „Шинды-Гёрурсез [скоро узнаете]“ – „Что это за имя, – воскликнул тот со смехом. – Я в первый раз такое слышу!“ – „Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали – шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился – мне дали это имя“ – После этого он взял сааз и начал петь.

– В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как

можно из Халафа приехать сюда в день.

– За что ж ты меня хочешь убить, – сказал Ашик: – певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; а я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте.

– Пускай продолжает, – сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

– Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям [создатель] дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую: – «Так-то ты сдержала свою клятву, – сказали ее подруги; – стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека. – „Вы не узнали, а я узнала милый мне голос“, – отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула; бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: „Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует“.

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

– Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, – сказал жених; – но поведай, как же ты мог в такое краткое время проехать такое великое пространство? – «В доказательство истины, – отвечал Ашик, – сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы 7 лет уж не видела свету божьего, и я возвращу ей зрение». – Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! – закричала она, – это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб», и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комочек земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилияз», – и мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак возьми ее за себя – и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

Примечания

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 53, лл. 1—6 об.

Впервые опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. II, 1846, стр. 159—167).

Датируется 1837 годом – датой первой ссылки Лермонтова на Кавказ. В это время он усиленно интересуется местным фольклором и даже начинает изучать татарский язык (письмо к С. А. Раевскому № 28 от второй половины ноября—начала декабря 1837 года). Текст «Ашик-Кериба» является, несомненно, записью не вполне отделанной и, по-видимому, не предназначавшейся для печати народной сказки. В тексте нет единства в передаче местных слов («шинды-герурсез» и «шинди-герузез» и др.), именование музыкального инструмента передается то в мужской, то в женской грамматической форме («она взяла со стены свою сааз»; «на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз» и т. д.).

Точно не установлено, на каком языке была рассказана сказка и кем сделан перевод, который и был записан Лермонтовым. В конце 80-х годов очень близкий вариант с таким же заглавием был записан азербайджанским собирателем Махмудбековым в с. Тирджан, Шемахинского уезда, со слов ашуга Оруджа («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XIII, Тифлис, 1892). Вариант этот гораздо полнее лермонтовского, но вместе с тем он настолько близок к нему, что для второй части сказки издатель воспользовался

лермонтовским текстом, целиком перепечатав его. Вс. Миллер полагал, что Лермонтов «в передаче восточного сюжета держался близко слышанной им версии и ограничился лишь стилистическими подправками» (Журн. Мин. нар. просв., 1893, № 1, стр. 233). В советское время сделан ряд записей данной сказки в Азербайджане, Грузии и Армении (см. об этом в кн.: «Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 г. Изд. „Сов. писатель“, М., 1955, стр. 134—148).

Сказки об Ашик-Керибе очень популярны у тюркских народов. К 20-м годам XIX столетия относится запись сюжета туркменского варианта («Шасенем и Гариб») в книге Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву...» (ч. I, М., 1822, стр. 152—153). См. об этом и о других туркменских повестях о Гарибе в книге: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. Изд. Акад. Наук СССР, М., 1954, стр. 107—115.

По свидетельству Вамбери, сказки об Ашик-Керибе очень популярны у турок и распеваются певцами в кофейнях Румелии и Анатолии (Вс. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, Приложение, стр. 24); существует печатное издание, вышедшее в Константинополе в 1881 году и озаглавленное «Повесть Ашик-Гариба» («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XIII, стр. XXV). Однако лермонтовская запись ни по сюжету, ни по именам персонажей (исключая самого Гариба) не совпадает с названной повестью. В лермонтовской записи имеются некоторые турецкие элементы (Магуль-Мегери – дочь турецкого купца Аяк-Аги; турецкого происхождения слово «чауш» — «сержант, унтер-офицер», «сторож»); наряду с ними встречаются и элементы арабские, армянские, иранские и азербайджанские с явным преобладанием последних. Особенно рельефно выступают азербайджанские черты в терминологии (лингвистический анализ любезно выполнен чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельсом, проф. Н. К. Дмитриевым и А. Л. Троицкой). Прежде всего в азербайджанской форме дано само именование героя: Ашик-Кериб. Ашик (правильнее ашык: армянская форма – ашуг) – в первоначальной форме по-арабски означает «влюбленный», а у турок, армян и азербайджанцев – трубадур, лирический певец, позже – вообще «народный певец»; Кериб (по-турецки было бы гариб) – чужеземец, скиталец, бедняк. На этом основана непереводаемая игра слов в диалоге вернувшегося певца со своей слепой матерью: Кериб, называя себя чужеземцем, называет вместе с тем и свое имя, мать же его воспринимает это слово «Кериб» только в смысле нарицательного имени. Азербайджанское слово «бек» (по-турецки было бы «бей»); «оглан» – «сын», «парень»; «шинди-герусез» – «скоро узнаете» (правильнее: «шинди горурсукуз» – «скоро увидите») – форма азербайджанского диалекта; в ряде случаев наблюдаются иранские элементы, наличие которых также весьма характерно для азербайджанских говоров: Куршуд (правильнее: Хуршуд) – по-ирански значит «солнце», т. е. куршуд-бек – князь солнца; сочетанием арабских и иранских элементов является имя Магуль-Мегери (Ма-уль-мигри) – «Луна любви»; «Шах-валат» – очевидно шах вилайети, т. е. шахский вилайет (область); керван (по происхождению иранское слово, но встречающееся во всех тюркских языках) – караван; караван-сарай – двор, где останавливаются караваны.

Хадерилиаз (в других местах лермонтовской записи Хадерилияз, Хадрилиаз) – соединенные вместе имена Хызра (Хидра, аль-Хадира) и Илиаса (пророка Ильи). В приложениях к переводу Корана Саблуков сообщает, что «Невидимый для людей, Хызр является некоторым в образах, какие угодно ему принимать. Одни... причисляют его к сонму пророков, другие считают только святым» (вып. 1, приложение первое, Казань, 1879, стр. 265—266). В персидско-русском словаре Гаффарова дано следующее пояснение: «Хизр пророк, который по преданиям нашел источник живой воды и выпил из него, а потому будет жить до конца света – пророк Илия» (т. I, М., 1914, стр. 293). Имя аль-Хадира и пророка Ильи связывается и в энциклопедии Ислама, где приводятся сюжеты легенд, в которых Хадира и Илья действуют совместно (Encyclopedie de l'islam, t. II, E—K. Leyde—Paris, 1927, стр. 499—501, 912—913). При этом характерной чертой Хадиры является свершение добра, которое вначале представляется как жестокость. Ср. в лермонтовской записи: «Слезай же сюда, если так, я тебя убью», ...» «Ступай за мною», – сказал грозно всадник...».

Хадерилиаз (Илиаз представляет типично азербайджанскую форму этого имени) объяснено Лермонтовым как святой Георгий. Вс. Миллер и другие комментаторы считали это прямой ошибкой поэта, но смешение Хадерилиаза со святым Георгием встречается у армян и грузин и в данном случае является не ошибкой Лермонтова или рассказчиков, а отражением воздействия армянского и грузинского фольклора.

Маулям – означает «создатель» и является арабизмом; в арабской форме приведено у Лермонтова и название города Алеппо (Халаф; по-арабски Халяп); туркестанские витязи, которых воспевают Ашик-Кериб, очевидно, герои «Шах-намэ», где рассказывается о борьбе Ирана с Тураном; мисирское вино – вино из Миср (Мисром называли как Египет, так и Каир).

В автографе Лермонтов в ряде мест именуется своего героя Ашик-Керимом. Это не случайная описка. В Закавказье и Средней Азии существует народная повесть, герой которой именуется Ашик-Керимом (см.: С. А. Андреев-Кривич, ук. соч., стр. 97—104).

Наличие этих разнообразных языковых элементов позволяет утверждать, что данная сказка была рассказана Лермонтову каким-либо местным ашугом, несомненно азербайджанцем по происхождению, но в репертуаре и в речи которого, как это обычно у кавказских ашугов, отразились разнообразные этнолингвистические явления. Сюжет сказки об Ашик-Керибе является одной из многочисленных вариаций распространенного по всему земному шару сюжета «возвращения мужа» или иначе: «муж на свадьбе у жены»; муж иногда заменяется женихом, как это имеет место и в данном случае.

Таким образом, совершенно очевидно, что лермонтовский «Ашик-Кериб» является местной народной сказкой, в записи которой Лермонтов сумел не только совершенно точно передать сюжет, но сохранил и многие разговорные ее особенности.